

Фань Сянь ощутил лёгкую скованность, незаметно немного отошёл назад, наклонил голову набок и быстрым взглядом окинул главный зал.

В чиновниках двора Северной Ци не было ничего необычного; больше всего его любопытство разжёл слегка раскачивающийся занавес из жемчужных нитей, расположенный высоко рядом с тронем. Занавес поблёскивал в свете, отражённом водной поверхностью за спинами чиновников, и выглядел восхитительно.

Он знал, что за занавесом скрывается та, кто реально обладает властью в Северной Ци, — вдовствующая императрица.

Через какое-то время подпирающий подбородок император зевнул. Похоже, ему тоже наскучило слушать послание.

— Послы проделали долгий путь, ступайте отдыхать, — помахал рукой молодой государь. Фань Сянь тут же ощутил облегчение, с довольной улыбкой снова преклонил колени, вместе с остальными поклонился несколько раз в сторону трона и уже приготовился искать тех, кто в Северной Ци действительно заправляет делами, чтобы поскорее вызволить бедного молодого господина Яня.

Но происходящее зачастую превосходит людские ожидания.

— Молодой господин Фань... — На лице императора Северной Ци можно было рассмотреть намёк на улыбку, он взглянул на Фань Сяня и мягким голосом сказал: — А вас я попрошу остаться.

Чиновники немного удивились, подумав, что император вдруг обратился к главному послу не по должности, а «молодой господин», ведь это немного не соответствовало этикету. Фань Сянь даже не заметил этого, но тоже удивился: неужели императору стало что-то известно?

Он тут же поклонился и ответил:

— Это моя первая поездка в качестве посла, я плохо знаю, как следует отвечать во дворце, я в смятении.

— Ничего, ничего. — Похоже, молодой император был вполне обходительным. С улыбкой он продолжил: — В этот раз, узнав, что приедет молодой господин Фань, я очень обрадовался. Да будет вам известно, что я часто декламирую «Стихи кабинета полупраздности», даже мой наставник постоянно расхваливает ваш талант. С государственными делами на сегодня мы закончили. Молодой господин Фань, прогуляйтесь немного со мной. Я давно ждал вашего приезда, заодно покажу вам красоты дворца.

После таких слов разве мог Фань Сянь, будучи послом другой страны, что-то возразить? Только и лёгкого волнения избежать тоже не удалось. Наставником императора был сын того самого Чжуан Моханя, которого Фань Сянь опозорил на банкете в императорском дворце государства Цин, и после этого он так нахваливал талант Фань Сяня?

Посольство покидало главный зал, Линь Цзин с лёгким беспокойством глянул на Фань Сяня, и тот едва заметно кивнул, чтобы показать, что будет вести себя осмотрительно.

Когда чиновники Северной Ци тоже удалились, главный зал стал казаться ещё тише и просторнее; можно было даже расслышать, как в воде плещутся рыбки, а за полупрозрачными занавесами ходят дворцовые служанки.

Всё это время просидевший на троне молодой государь, похоже, немного расслабился и потянулся. Он посмотрел на Фань Сяня, засмеялся и вскочил с места, наспех вытер руки влажным полотенцем, протянутым евнухом, а потом похлопал Фань Сяня по плечу и сказал:

— Пойдём, я хочу показать божественному поэту с юга наш божественный дворец севера.

Фань Сянь про себя посетовал на тяжёлую жизнь: кто же мог предсказать, что у этого императора такие детские повадки? Он уже собирался последовать за государем на выход из зала, как за жемчужным занавесом, за которым он постоянно с любопытством тайно следил, раздалось покашливание.

Император Северной Ци слегка вздрогнул, с постным лицом развернулся и поклонился в сторону жемчужного занавеса:

— Матушка, ваш сын, увидев Фань Сяня, обрадовался и поэтому забыл про этикет. Надеюсь, матушка меня простит.

В это время дворцовая служанка уже отодвинула жемчужные нити, которые звонко застучали друг о друга, и из-за занавеса вышла важная дама.

Не смея рассматривать её, Фань Сянь сразу же склонил голову, но его любопытный взор уже увидел выглянувшую из-за занавеса ногу.

На ногах у этой важной дамы были расшитые золотыми нитями цветастые шёлковые туфли, как будто бы совершенно будничные, но при этом очень роскошные.

Но ещё сильнее Фань Сянь удивился, когда увидел, как вслед за этими расшитыми золотом шёлковыми туфлями из-за жемчужного занавеса появилась ещё пара ног. Кто в этом мире мог позволить себе сидеть за жемчужным занавесом вместе со вдовствующей императрицей и слушать, как император беседует с посланниками из другой страны!

На этих ногах были надеты тряпичные туфли с многослойной подошвой из плотно простёганной хлопчатобумажной ткани, такие часто делали в деревнях. Кромка обуви была чёрно-белой, и лишь у самой подошвы были тонкие полоски праздничной цветастой ткани. Такие туфли надевали в деревнях на Новый год, и видеть их во дворце Северной Ци было крайне странно.

Фань Сянь на самом деле догадался, кто же хозяин этих туфель, поражённо поднял голову и сразу забыл про этикет. Внешне спокойно, но втайне крайне насторожившись, он посмотрел на барышню Хайтан, на чьей голове по-прежнему был завязан цветастый платок.

Кто же мог подумать, что Хайтан вдруг появится вместе со вдовствующей императрицей из-за жемчужного занавеса!

Взгляды Фань Сяня и Хайтан скрестились, словно мечи, и атмосфера в главном зале тут же накалилась. Фань Сянь сразу снова отвёл взгляд и преклонил колени перед важной дамой рядом с Хайтан:

— Посол государства Цин приветствует ваше величество вдовствующую императрицу.

Вдовствующая императрица посмотрела на него и слегка нахмурилась, про себя подумав: «И почему этот чиновник из Южной Цин Фань Сянь настолько красив? Его просто можно назвать обворожительно прекрасным. Ничего удивительного, что Додо сегодня тайком пробралась во дворец, чтобы посмотреть на него. Неужели эта девица...» Вдовствующая императрица поскорее отбросила подобные мысли, слегка кивнула головой, а потом сказала государю:

— Твоя тётушка по учению вернулась. Раз ты хочешь показать господину Фаню дворец, то возьми её с собой.

На лице императора появилась озабоченность, похоже, он не хотел, чтобы Хайтан пошла с ними, но противиться наказу матери слишком сложно, оставалось лишь с горькой улыбкой сказать Хайтан:

— Тётушка, когда вернулись?

Хайтан отвела ледяной взгляд от лица Фань Сяня и с небольшим поклоном императору ответила:

— Ваше величество, я прибыла в столицу вчера. Учитель обеспокоен тем, что в последнее время в столице слишком много злодеев, поэтому отправил меня во дворец.

Фань Сянь горько усмехнулся: злодеи в столице? Конечно, это был жирный намёк на него

самого — любителя использовать афродизиаки.

Прогуливаясь по дворцу Северной Ци, Фань Сянь невольно вспомнил уже давно подзабытое выражение из прошлой жизни: благополучная жизнь человека из Ци*, потому что этот дворец действительно соответствовал тому, как назвал его молодой император — божественный дворец. Жившим в этом дворце важным людям действительно повезло.

На фоне чёрных стен дворцовых строений вздымались высокие зеленеющие деревья. Будто небольшой веер, раскрытый в руках невозмутимой и внимательной к мелочам женщины, их густые ветви заглядывали под чёрные карнизы, или томно лежали на черепице крыш, словно прикорнув на время, или смотрели свысока на лениво вытягивающие вверх стебли цветы и растения.

По всему дворцу со всех четырёх сторон можно было увидеть зелёные деревья и пышный блеск; зелёное и чёрное отлично сочетались, жёсткость и податливость дополняли друг друга, так что разбегались глаза.

Постройки во дворце располагались на нескольких уровнях, опираясь на зелёную гору и великолепно с ней гармонируя. В окружении прислуживающих евнухов трое шли вперёд, минуя коридоры между горками и ручейками, и уже добрались до второго уровня. Наконец, Фань Сянь немного восстановил самообладание и начал со вниманием рассматривать дворцовые виды, невольно восхищаясь. Хотя дворец был построен на горе, и если брать во внимание оборону и каждодневные потребности, то такое расположение могло показаться глупым, но, смотря на ручейки по сторонам коридоров, зелень, радующую взор, и изобилие красивых видов, Фань Сянь наконец понял, почему много лет назад люди выбрали именно это место, чтобы построить императорский дворец.

Какая же красота, действительно восхитительно!

Жаль, но Фань Сянь был не из Северной Ци, и счастья жителя Ци ему не причиталось: рядом с ним шли не две прекрасные девушки, а лишь император Северной Ци с заоблачно высоким положением и барышня Хайтан — самый сильный мастер боевых искусств молодого поколения, которая уже успела побить его всеми возможными способами.

Император был облачён в чёрные одежды с широкими рукавами и опоясан шёлковым золотистым поясом — в стиле его наряда читалось много отголосков старины. Он заложил обе руки за спину и, шагая впереди и показывая дорогу вглубь дворца, похоже, уже позабыл, что насильно потащил Фань Сяня на эту прогулку.

Фань Сянь сдержанно следовал за императором и время от времени краем глаза поглядывал на идущую рядом Хайтан. Между ним и этой барышней произошла крупная размолвка, и хотя он считал, что при императоре она не станет на него нападать, но всё равно ощущал некую тревогу.

Но Хайтан Додо совсем не замечала его, словно никогда не встречала его, не пострадала от афродизиака и не слышала его посвящённых ей стихов.

Фань Сянь сделал свои выводы и, тепло улыбаясь, ни о чём не пытался заговорить. Через какое-то время молодой государь, похоже, наконец притомился. Лёгким движением руки он указал на беседку впереди.

В ту сторону со всех ног сразу же бросилась толпа евнухов. В самое короткое время в беседке всё чисто прибрали: протёрли перила и места для сидения, воскурили благовония, принесли чайник с зелёным чаем и чашки.

Зайдя в беседку, они ощутили, как горный ветер несёт немного влажной прохлады. Император встал у перил, держа обе руки за спиной, а потом тихим голосом продекламировал:

— Опускаю руки на перила, ветер с гор хладит деревьев и цветов макушки, песнею свистящею своею ветер облака давно уж распугал.

Фань Сянь вовремя отозвался:

— Отличные слова.

Император развернулся к нему лицом, взгляд его ясных глаз с крайним интересом устремился на Фань Сяня, и через какое-то время он, наконец, сказал:

— Что касается лести по отношению ко мне, то ты, Фань Сянь, первый, кто так халатно отнёсся к делу.

Фань Сянь напрягся, не зная, как следует отвечать на такие слова, в итоге уважительно поклонился и сказал:

— Я в смятении.

— Да ладно, то есть не стоит переживать.

Император присел, взял чашку с чаем и выпил глоток, потом вдруг посмотрел на Хайтан и с невольной улыбкой сказал:

— Почему сегодня тётушка так напряжена в моём присутствии? Раньше сколько ни звал, всё не мог дозваться, ты всё была занята в своём огороде, а сегодня раз уж пришла во дворец, почему бы не расслабиться и не полюбоваться пейзажами? — Он тихо вздохнул: — Я всегда думал, что этот дворец слишком прекрасен, до такой степени, что мне совсем не хочется покидать его, чтобы куда-либо выбраться.

Кажется, в этих словах присутствовал ещё один смысл, но Фань Сянь решил, что не смог его понять. По знаку императора он тоже сел, евнух налил ему чай, и он медленно начал его пробовать, думая, зачем же всё-таки молодой император попросил его задержаться во дворце.

Хайтан тоже налила себе чашку чая. Сидя на камнях за перилами беседки, она устремила взор на текущий рядом ручеёк и о чём-то задумалась.

— Фань Сянь, как тебе виды в моём дворце?

Фань Сянь вздрогнул, про себя подумав, это уже который раз за день император повторяет этот вопрос? Немного поразмыслив, он ответил:

— Дворец посреди горы, на горе деревья, деревья во дворце, виды восхитительно прекрасны. А самое удивительное, что весь дворец вписывается в естественный пейзаж и при этом, во-первых, величие дворца не теряется на общем фоне, во-вторых, роскошь дворца не портит горный пейзаж, создаётся ощущение единства природы и человека. Мне остаётся только восхищаться.

— А?

Непреднамеренные слова Фань Сяня, кажется, заставили императора Северной Ци вдруг удивиться.

*(Чэньюй, означающий, что у мужчины есть и жена, и наложница или несколько наложниц). В данном случае, возможно, использован в своём прямом значении — благополучной жизни жителей Ци.